Текст · 23 апреля 2026, 10:59
Алла Константинова,

«Вас должно было быть десять, но один уже труп». Как ФСБ ловит у краинских «террористов» — на примере дела «херсонской девятки»

Похищение с мешком на голове, пытки и смерть в подвале, постановочные «оперативные съемки» для новостей на «России-1» и признательные показания как единственное доказательство — «Медиазона» узнала подробности уголовного дела о «террористическом сообществе» в оккупированном Херсоне, девять фигурантов которого в январе этого года получили от 14 до 20 лет строгого режима. Только Южный окружной военный суд в Ростове-на-Дону, где шел процесс над херсонцами, рассматривает десятки подобных дел в год.

Краткое содержание

- «Медиазона» на протяжении двух лет внимательно следила за процессом «херсонской девятки» в Южном окружном военном суде. Обвиняемые подробно рассказывали о методах работы ФСБ на оккупированных территориях Украины
- Российские силовики похитили девятерых жителей Херсонской области летом 2022 года. До официального задержания они провели два месяца в подвале областного управления Нацполиции на Лютеранской улице
- Похищенным полагалось по литру воды на камеру в сутки. Их не выводили в туалет, пытали током, избивали,

имитировали расстрел и на много дней оставляли подвешенными к решетке за наручники

- Среди узников подвала были мальчики 14-ти и примерно 10-12 лет. Одного из детей силовики заставляли избивать своего товарища
- Сотрудник экологической инспекции Херсона Василий Стеценко, который, вероятно, должен был стать десятым фигурантом дела, умер на глазах сокамерников, не выдержав пыток
- Когда показания в суде давал засекреченный свидетель под псевдонимом «Иванов», обвиняемые по голосу узнали в нем оперативника с позывным «Хмурый», который руководил пытками
- Следственный комитет провел формальную проверку по заявлению херсонцев о пытках и отказал в возбуждении уголовного дела. В январе судья Кирилл Кривцов приговорил их к срокам от 14 до 20 лет строгого режима

Бывший военнослужащий ВСУ Денис Лялька, высокий и осунувшийся, в суде говорит торопливо и неразборчиво. Его адвокат просит отвечать помедленнее.

— Вы были знакомы с Василием Стеценко? — переспрашивает она.

— Я узнал о Стеценко на подвале. Это был труп, — после короткой паузы все той же скороговоркой продолжает подсудимый. — Когда меня привезли, перед подвалом и пыточной лежал труп в пакете. В дальнейшем мне сказали, что это был как раз этот

Василий, но я не знаком был с ним. И сотрудники, которые выводили меня, тоже разговаривали про какого-то Василия. Что типа «вас должно было быть десять, но один уже труп, вот этот Вася, что с ним делать — не знаем».

39-летний Василий Стеценко, о котором идет речь, до полномасштабного вторжения работал в отделе экологического контроля Государственной экологической инспекции Херсона. ФСБ похитила его из-за отказа сотрудничать с оккупационными властями, расскажет позже в суде его знакомый — и тоже подсудимый — Сергей Гейдт. По словам Гейдта, Стеценко умер у него на руках в подвале бывшего управления Нацполиции в Херсоне, где российские силовики держали похищенных украинцев.

Стеценко попал туда в июле 2022 года, его несколько дней пытали током и избивали. От боли и жажды он «перестал соображать вообще», пил собственную мочу и «уже ходил под себя, встать не мог», рассказывали в суде видевшие это херсонцы — в камере, куда Стеценко швырнули после пыточной, вместе с ним находились еще трое мужчин. 3 августа 2022 года Стеценко умер. Силовики упаковали тело в черный пакет, вынесли из подвала и увезли в неизвестном направлении.

Вероятнее всего, Василий Стеценко должен был стать десятым фигурантом дела «херсонской девятки», которое два года рассматривал Южный окружной военный суд в Ростове-на-Дону. 30 января 2026 года судья Кирилл Кривцов назначил девятерым обвиняемым сроки от 14 до 20 лет колонии по делу об участии в террористическом сообществе[1]

и покушении на акт международного терроризма[2].

Шестерым из них вменялось еще и приготовление к теракту[3].

Только в обвинительном заключении фамилия Стеценко упоминается больше 200 раз — адвокаты пытались обратить на это внимание судьи Кривцова, отстаивая свое право задавать подсудимым вопросы про погибшего.

— Что стало с телом? — спрашивала одна из адвокатов, но судья раз за разом снимал вопросы.

— Судьба Стеценко органами предварительного следствия не описана! — сердился Кривцов. — Стеценко не имеет отношения к предъявленному обвинению!

Убитый в подвале управления Нацполиции в Херсоне Василий Стеценко. Иллюстрация: Danny Berkovskii / Медиазона

«Они пленили ребенка! Это пиздец». Пытки в подвале

В течение восьми месяцев с 3 марта 2022 года Херсонская область была под оккупацией российских войск — ВСУ вернули правобережную часть региона и его столицу только во время контрнаступления в ноябре 2022 года. Как и в других регионах Украины, после деоккупации в Херсоне и области нашли несколько пыточных — одну из них

россияне оборудовали в подвале бывшего управления Нацполиции в Херсоне на Лютеранской[4], дом 4. Там истязали и «херсонскую девятку».

37-летний Денис Лялька, 44-летний Сергей Гейдт и еще семеро херсонцев — 35-летний Сергей Ковальский, 61-летний Константин Резник, 52-летний Сергей Кабаков, 42-летний Юрий Каев, 46-летний Юрий Тавожнянский, 53-летний Олег Богданов и 49-летний Сергей Офицеров — лишены свободы с лета 2022 года. В июле и августе российские силовики по очереди похитили их в оккупированном Херсоне.

Бывший таможенник Юрий Тавожнянский в домашней одежде вышел из квартиры на пару минут и пропал. Чиновник Олег Богданов играл со своим четырехлетним сыном, когда люди в масках внезапно ворвались во двор их дома и повалили мужчину на землю. «Ребенок после этого полгода не разговаривал», — говорил в суде Богданов. Полуторагодовалая дочь Сергея Ковальского тоже видела, как незнакомцы уводят папу из дома, рассказывает «Медиазоне» его гражданская жена Александра. По ее словам, уже пятилетняя девочка так и не смогла забыть тот день и «боится мужчин до сих пор».

Похитили всех девятерых по одному и тому же сценарию: с пакетом на голове отвезли в подвал на Лютеранской, там избивали и пытали током, а потом заперли в одной из камер — на два, а кого-то на два с половиной месяца.

«Вывели из автомобиля и повели в подвал. Сразу при входе слева была открыта дверь. Меня завели в небольшую комнату размером примерно два на четыре, — вспоминал день своего пленения предприниматель и волонтер "Красного Креста" Юрий Каев. — На полу по всему периметру лежали деревянные поддоны, в центре стоял стул, слева письменный стол, а в переходе справа несколько стульев. Меня посадили в центре, руки были связаны сзади, их дополнительно чем-то привязали к стулу. На палец руки надели металлический фиксатор. В комнату зашли четыре-пять человек и начали допрашивать — кричать то по одному, то все вместе, дотрагивались до моей головы металлическим предметом и подавали напряжение».

После ударов током с него «сходило семь потов», рассказывал в суде товаровед Сергей Офицеров. Денис Лялька от пыток лишился части зубов.

«Когда ток подключают через голову, то ты совсем не можешь дышать: ощущение, что легкие не работают, скручивает мышцы, челюсти сжимаются с такой силой, что крошатся зубы», — объяснял он.

По версии обвинения, весной и летом 2022 года девятеро украинцев вступили в «террористическое сообщество» и по заданию СБУ спланировали серию покушений на чиновников-коллаборационистов в оккупированной части Херсонской области, в том числе, замглавы пророссийской администрации Кирилла Стремоусова, бывшего главы херсонской таможни Виталия Булюка и экс-депутата Верховной Рады Алексея Ковалева.

Но тогда, летом 2022 года, никто из похищенных еще не знал, в чем их обвиняют. Во время пыток фээсбэшники сыпали вопросами, их интересовало все: где схроны с оружием и взрывчаткой, где сотрудники СБУ, бойцы территориальной обороны, ветераны АТО, охотники; кто из жителей Херсона не поддерживает «СВО», кто ходил на проукраинские митинги.

«Они кричали мне: "Ты военный или бандеровец?"» — вспоминал Офицеров.

Директора рыболовецкого хозяйства Сергея Гейдта тоже сперва пытали током, а затем «перешли к более лояльным методам», невесело шутил он в суде — зажали руки в дверном проеме и били дверью, а после заперли в камере без окон размерами примерно два на пять метров.

«Ну и все, пытки стали продолжаться полтора месяца, — говорил Гейдт. — И пытки уже были такие, что... Я провисел на решетке 10 суток. Просто решетка, банка с краской[5] — и вот десять суток ты висишь без воды, без еды. Они приходят раз в трое суток, дают воды пить и все».

Денису Ляльке силовики сломали ребра. Он рассказывал, что «пролежал на полу полтора месяца и так и не поспал с первого дня», потому что кроватей в «карцере» не было.

«Была одна доска, на которой помещалось максимум три человека, — описывал он свою камеру. — Из-за сильных болей в теле я не мог лежать с кем-то на одной доске».

Люди, которые их пытали, были в штатском, продолжал Гейдт. Он вспомнил, как у немолодого предпринимателя Константина Резника после очередного избиения случился сердечный приступ, но скорую силовики не вызвали. Связи с родственниками у пленников не было — телефоны, деньги и личные вещи у них отобрали при задержании.

Кормили редко. За питание отвечал молодой мужчина с позывным «Орел» — один из тех, кто пытал херсонцев. По словам Юрия Каева, «Орел» «отличался особой жестокостью», и поесть давал раз в два-три дня — если повезет, макароны с тушенкой, но обычно галеты. Каев за два месяца в подвале похудел на 25 килограммов.

«Лет 27-30, маленького роста, худой, с темной бородкой и карими глазами, — описывал он "Орла". — Он картавил, никогда не прятал лицо. Регулярно заходил к нам показать какую-то пропагандистскую информацию».

«Орел» любил снимать допросы на телефон, а еще заставлял похищенных украинцев учить гимн России. «Когда заходил к нам в подвал, включал на телефоне низкопробную запись, музыкальное произведение под названием "Ебать нацистов", прославляющее подвиги "ЧВК Вагнера" и

призывающее к вступлению в их ряды», — говорится в показаниях Каева.

В те дни, когда пленников не били, над ними издевались иначе. Например, имитировали расстрел — по одному забирали из камеры в пыточную, сказав, что ведут убивать, и там стреляли в потолок. Потом шли за следующим. По ночам в подвале дежурили молодые военные лет по 19-20, у одного из них был позывной «Север», вспоминал Каев.

Пачка из-под сигарет, на которой узники подвала записали свои фамилии.
Иллюстрация: Danny Berkovskii / Медиазона

«Очень пьяные, бегали по коридору, будили нас, через двери кричали нам: "Слава Украине..." — а мы должны были отвечать: "...в составе Российской Федерации!". Избивали тех, кто висел на решетке, выборочно кого-то выводили из камер, избивали, издевались, задавали исторические вопросы, которые касались в основном Второй мировой войны и наших патриотических чувств к "государству, которого нет" — так они называли Украину. Наши познания в истории отличались от их познаний, и это не могло их не расстраивать. Все это они делали под произведение "Вставай, страна огромная"», — рассказывал херсонец.

На камеру выдавали литр воды в сутки, но иногда это количество приходилось растягивать на несколько дней. Мыться не давали. В туалет не выводили —

для этого в камере была обрезанная пятилитровая бутылка.

«Каждое утро приходил военный с позывным "Ворон", — продолжал Каев. — По нашей просьбе разрешал нам набрать бутылки, вылить мочу и сходить в туалет по-большому. "Ворон" очень любил рок-музыку, постоянно ее включал и всегда был в балаклаве».

За два месяца в подвале пленник повидал самых разных людей. «Священников, руководителя "Правого сектора" в Херсоне, профессора истории, активистов, блогеров, начальника МЧС города Олешки, прокурора и бывшего главу администрации Горностаевки Олега Ипатова — он с нами провел трое суток в камере где-то в середине сентября», — перечислял Каев.

Пытали всех без исключения, в том числе, женщин. Был среди узников подвала на Лютеранской и ребенок, утверждал он.

«Последние две недели — в начале октября 2022 года — с нами в подвале в камере №7 удерживали мальчика 11 лет за то, что он якобы сбрасывал координаты СБУ, — говорил Каев. — Он постоянно плакал по ночам и просился к маме. Он разговаривал, в отличие от нас, на украинском языке, из чего мы сделали вывод, что он откуда-то из сельской местности. Дальнейшей судьбы его не знаю, его увезли где-то за сутки до нашего отъезда в Симферополь».

В другой камере подвала около двух недель провел 14-летний подросток, рассказывал в своих показаниях Денис Лялька.

«Его заставляли избивать ногами по голове его знакомого, — вспоминал бывший военный. — Он сильно плакал и бил. Через две недели его куда-то отвезли».

Один из узников подвала вел дневник и сумел спрятать несколько страниц в личных вещах, которые осенью 2022 года силовики отдали его родственникам. «Медиазона» публикует эти записки. В них также упоминается похищенный мальчик.

«Вчера еще заметил детский голос в одной из камер, — писал мужчина. — Думал, мне показалось. Но они пленили ребенка! По голосу ему лет 10-12. Это пиздец. Его вывел вояка, сказал, что они пообщаются и он его сегодня завезет домой. Но после общения его вернули в камеру. Голос у малого был дрожащий».

Как предполагает автор дневника, ребенка «взяли» за то, что он фотографировал российскую военную технику.

Что известно о несовершеннолетних узниках секретных тюрем в Херсоне

В конце 2022 года уполномоченный по правам человека в Украине Дмитрий Лубинец сообщил, после деоккупации в Херсоне обнаружили четыре секретные тюрьмы. В одной из них содержались дети, для них российские силовики выделили отдельную камеру.

«Мы впервые зафиксировали факт пыток детей», — говорил омбудсмен.

14-летнего Виталия Мухарского вместе с его 27-летним дядей задержали 10 сентября 2022 года недалеко от деревни Киселевка Херсонской области, где стояла подбитая российская военная техника. По словам мальчика, силовики остановили их и отобрали телефоны.

«Увидели, что мы переписывались с украинскими военными, забрали нас на заправку, побили нас там по почкам, по лицу, — рассказывал Мухарский ютуб-каналу **RecoveryforAllUkraine**. — Потом кинули нас в яму — там кишки свинячьи были. Угрожали нам, что гранату кинут, застрелят нас или зароют».

После двух часов в яме российские силовики надели пленникам на головы мешки и отвезли в Херсон.

«Сначала нас в одну камеру посадили: маленькая такая была, зеленая, решетки и стальные двери, — вспоминал мальчик. — Потом снова мешок накинули, и мы зашли в подвал. А там уже было холодно, первые четыре дня я вообще не ел».

По словам Виталия, в маленькой подвальной камере с ним находились 12-13 взрослых мужчин. Сокамерник по имени Константин делился с ним едой. В этой камере он провел шесть дней, после чего силовики перевели его в более темное помещение, где вместе с ним находился только один пленный — 30-летний херсонец по имени Толик.

В подвале он «боялся выстрелов» и «видел кровь, которая в камеру затекала». Спустя еще шесть дней, 22 сентября 2022 года, силовики вывели Виталия с дядей из подвала, снова надели им мешки

> на головы, отвезли к зданию железнодорожного вокзала в Херсоне и отпустили.

В середине сентября 2022 года в подвал привезли старика, «на вид 82-92 года», говорил в своих показаниях Денис Лялька.

«Он был квартальный[6] в каком-то районе частного сектора в Херсоне. У него спрашивали, где живут сотрудники СБУ, военные, те, кто против России. Мужчина пояснял, что он не знает, так как все разъехались. Его около двух недель держали прикованным к решетке. В туалет выводили раз в два дня, а так рядом ставили бутылку. Проходящие мимо решетки сотрудники его били», — запомнил Лялька.

«Нарушение мирного сосуществования государств и народов». Версия следствия

Для простоты чтения и экономии места в этой главе опущены вводные сочетания: «по мнению ФСБ», «как утверждают силовики», «согласно обвинительному заключению» и тому подобное. Это не значит, что «Медиазона» считает приведенные ниже утверждения следствия доказанными.

«Террористическое сообщество» в оккупированном Херсоне весной 2022 года создали несколько сотрудников СБУ. Самир Шукюров[7] вербовал жителей оккупированного города, помогали ему украинские контрразведчики Виктор Хомяк,

Дмитрий Сидей, а также Демьянов, «Маркус» и «другие неустановленные лица».

«Не позднее мая 2022 года» Шукюров завербовал предпринимателя Константина Резника и его сотрудника Сергея Кабакова. Компания Резника занималась строительством и ремонтом, в том числе, обслуживала прибрежные дачи и причалы на Днепре. Поэтому СБУ поручила Резнику и Кабакову готовить покушение на сотрудника херсонской ВГА-[8] — бывшего депутата Верховной рады Украины

Алексея Ковалева. Взрывное устройство нужно было прикрепить к пирсу на острове Карантинный, откуда чиновник часто отправлялся на работу на гидроцикле.

Затем, «не позднее 10 июля 2022 года», Шукюров передал Резнику и Кабакову компоненты для сборки самодельной бомбы, а те «приискали» еще двух херсонцев — 44-летнего начальника рыболовного производства Сергея Гейдта и его знакомого, 39-летнего сотрудника экологической инспекции Василия Стеценко. Гейдт и Стеценко «имели необходимые для изготовления СВУ познания» и с помощью магнита должны были прикрепить взрывное устройство к причалу, которым пользовался Ковалев.

«11 июля около 7 часов утра <ÿ.ÿ Стеценко доплыл и прикрепил СВУ под пирсом, — говорится в признательных показаниях, которые подписал Гейдт. — Я находился в камышах, а Стеценко на берегу. Ковалев пришел, Стеценко несколько раз нажимал на кнопку, но оно почему-то не сработало».

Одновременно «не позднее 1 июля 2022 года» Шукюров связался с оставшимся с Херсоне военнослужащим ВСУ Сергеем Ковальским.

«В целях, направленных против интересов Российской Федерации» 35-летний Ковальский должен был дистанционно подорвать припаркованный на пересечении улиц Перекопской и Субботы автомобиль «Шевроле Лачетти» — в тот момент, когда мимо будет проезжать еще один сотрудник оккупационной администрации Виталий Булюк.

Ковальский попросил о помощи своего двоюродного дядю — 49-летнего товароведа Сергея Офицерова. Тот стал следить за машиной Булюка и сообщал о маршрутах коллаборациониста племяннику.

В то же время СБУ завербовала в Херсоне двоих бывших украинских госслужащих: 54-летнего чиновника Олега Богданова и 46-летнего таможенника Юрия Тавожнянского. 1 июля 2022 года Богданов по приказу своих «кураторов» Хомяка и Сидея привез из Николаева «бризантное пластичное взрывчатое вещество» и детонаторы, спрятав их в тайнике во дворе своего дома по адресу Декабристов, 38. Позже «неустановленное лицо» перепрятало компоненты для бомбы в другом тайнике, а оттуда их забрали Резник и Кабаков.

Они должны были поместить взрывчатку в бутылочку из-под детской смеси «Агуша»[9] и бросить ее в бензобак гидроцикла Ковалева.

Тавожнянский передал Резнику от Шукюрова в общей сложности 15 тысяч гривен[10] на организацию покушений. В его обязанности также входила слежка за сотрудниками ВГА.

Последние два фигуранта дела — 42-летний предприниматель и волонтер «Красного креста» Юрий Каев и его знакомый, 37-летний бывший контрактник ВСУ Денис Лялька. Среди участников «террористического сообщества» упоминается также их общий знакомый — уехавший из Херсона ветеран АТО, владелец пиццерии *Sale e Pepe*[11] Сергей Зелинский.

Шукюров вступил с Зелинским в «преступный сговор», и последний передал компоненты СВУ Каеву и Ляльке. Те собрали бомбу и положили ее в тайник, оборудованный на продуктовом складе Каева. 4 августа Ковальский забрал ее из тайника — он должен был взорвать машину замглавы ВГА Херсонской области Кирилла Стремоусова, но ФСБ это покушение предотвратила.

Что стало с коллаборационистами из дела «херсонской девятки»

Двое из чиновников оккупационной администрации, подготовку покушений на которых вменяли херсонцам, действительно погибли — но при других обстоятельствах и уже после того, как всю «девятку» задержали.

Кирилл Стремоусов погиб 9 ноября 2022 года в ДТП. Как сообщил пророссийский функционер из Запорожья Владимир Рогов, машина Стремоусова

столкнулась с большегрузом, водитель которого не справился с управлением. Это случилось за два дня до того, как ВСУ в ходе контрнаступления освободили Херсон.

Тело бывшего народного депутата Украины Алексея Ковалева нашли 28 августа 2022 года в его доме. У Ковалева обнаружили огнестрельное ранение в голову, а его девушку ранили ножом в шею. Рядом с телом Ковалева лежало зарегистрированное на него ружье.

Обвинение утверждает, что участники «террористического сообщества» общались между собой в вотсап-группе под названием «Продукты», где использовали «различные слова, подменяющие смысл переписки», а сообщения в группе автоматически удалялись. Херсонцы регулярно меняли телефоны, СБУ снабжала их новыми устройствами «через тайники». Ни одного скриншота из чата «Продукты» следствие в деле не привело.

Монотонно перечисляя в обвинительном заключении цели и задачи «специальной военной операции», следователи упоминают, в том числе, «защиту населения Украины от издевательств и геноцида со стороны действующего руководства Украины». Обвиняемые, гласит документ, хотели совершить акт международного терроризма, чтобы нарушить «мирное сосуществование государств и народов» и ослабить «доверие и поддержку жителей Херсонской области» к России.

«Извините, о каком мирном сосуществовании может идти речь? До или после 24 февраля 2022 года? Именно

Российская Федерация, я напомню, в четыре утра без объявления войны начала бомбить украинских граждан. Утром я проснулся от звуков взрывов! Это мое мирное существование разрушила Российская Федерация и теперь обвиняет меня в том, что сделала сама!» — негодовал в суде Сергей Офицеров.

Сергей Ковальский. Иллюстрация: Danny Berkovskii / Медиазона

«Показали вооруженных людей рядом с женой и дочерью». Признание как д оказательство

Дело «херсонской девятки» целиком построено на признательных показаниях обвиняемых. Но в суде (а некоторые еще на стадии предварительного следствия) они отказались от этих показаний и рассказали, что были вынуждены оговорить себя.

Бумаги на подпись «девятке» дали в конце сентября 2022 года — еще в подвале на Лютеранской, после двух месяцев пыток. Что именно они подписывают, пленники не видели: текст оперативники закрывали другим листом бумаги.

Поставить подпись украинцам пришлось не только из-за пыток: им угрожали, что в случае отказа их родственники тоже окажутся в подвале.

По словам Сергея Гейдта, силовики во время допроса позвонили кому-то по видеосвязи. «Показали мне

двух вооруженных людей, которые стояли рядом с моими женой и дочерью», — говорил он.

Константин Резник в суде рассказывал, как однажды его привезли к дому дочери, которая летом 2022 года была беременна внучкой. Молодая женщина стояла во дворе.

«Мне сказали: "Выбирай", — вспоминает Резник. — Ну, я и выбрал все подписать».

Некоторых узников подвала на Лютеранской действительно иногда возили домой: им приходилось участвовать в оперативно-розыскных мероприятиях, в том числе таких, которые сами они называют постановочными. Силовики говорили, куда встать и как двигаться — а потом фотографировали или снимали видео. Иногда приходилось делать по несколько дублей: если фээсбэшникам не нравилось, как херсонцы играют свою роль, им угрожали пытками.

«Стоишь здесь, пальцем показываешь сюда», — описывал «оперативные» съемки Сергей Кабаков.

По словам Сергея Ковальского, однажды на таком выезде он впервые с момента похищения увидел свой телефон — оперативники положили устройство ему в карман, сняли сцену «изъятия» и снова забрали.

«Нас начали по очереди водить в комнату, где находилось разное оружие — заставляли брать его в руки и оставлять отпечатки, — говорил Юрий Каев в показаниях. — Мне дали вещество серого цвета, похожее на пластилин».

Документы о возбуждения уголовного дела датированы 6 октября 2022 года — это день официального задержания «херсонской девятки». По бумагам, именно тогда ФСБ задержала девятерых украинцев в Симферополе, тогда же им было предъявлено обвинение. При этом следствие вскользь упоминает, что все фигуранты дела были «выявлены» гораздо раньше — еще в августе 2022 года.

Однако тогда ни один из них почему-то не стал подозреваемым или обвиняемым. Ни одному из херсонцев не избрали меру пресечения, ни с одного не взяли хотя бы обязательство о явке.

Как и почему обвиняемые оказались в Симферополе 6 октября, если в Херсоне в отношении них уже два месяца активно велись «оперативно-розыскные мероприятия», ФСБ в документах дела не объясняет.

Тайну своего загадочного перемещения в пространстве раскрыли в суде сами пленники: 5 октября их всех вывели из подвала, заставили снова подписать какие-то бумаги, а потом на двух микроавтобусах повезли из Херсона в Симферополь — там находится управление ФСБ в аннексированном Крыму. При этом Резник, Кабаков и Лялька ехали в багажнике — никаких проверок по пути не было, говорят херсонцы, хотя погранконтроль на границе Крыма и Херсонской области оккупационные власти никогда не отменяли.

«Существует определенный порядок предоставления документов для пересечения границы государства, заполнение миграционных карт и так далее, — говорила одна из защитниц "девятки" в суде. — Но, когда люди в багажнике пересекают границу как груз, то тогда, конечно, никакие документы не предоставляются!».

Адвокаты просили суд отправить запрос в пограничное управление ФСБ по Крыму, чтобы уточнить, как их подзащитные миновали КПП, однако судья Кирилл Кривцов ходатайство не удовлетворил.

Уголовное дело в отношении девятерых херсонцев 6 октября 2022 года возбудили сотрудники управления ФСБ по Крыму и Севастополю. Потом — по документам, уже на следующие сутки, 7 октября — его передали наверх, в следственное управление ФСБ России. Первым документом в деле стал рапорт об обнаружении признаков преступления, который 6 октября составил капитан ФСБ Антон Грищенко.

Чем еще известны оперативники ФСБ из дела «херсонской девятки»

Имя оперуполномоченного ФСБ Антона Грищенко не первый раз фигурирует в громких уголовных делах из аннексированного Крыма. В 2021 году Грищенко давал показания по делу журналиста Владислава Есипенко. ФСБ утверждала, что репортер отправлял офицеру СБУ свои видео из Крыма, которые снимал для «Радио Свобода», и «по его рекомендации» возил в багажнике гранату с примотанной к ней проволокой. Сам Есипенко отрицал вину и настаивал, что взрывное устройство ему подбросили при обыске.

«Ґрати» писали, что журналиста пытали током, чтобы он дал признательные показания, а потом повторил их в эфире телеканала «Крым 24».

В феврале 2022 года Есипенко приговорили к шести годам колонии по делу об изготовлении и хранении взрывного устройства[12]. Позже наказание сократили до 5 лет, летом прошлого года крымчанин вышел на свободу.

Кроме Грищенко в деле «херсонской девятки» упоминается имя Андрея Купецкова — старшего следователя по особо важным делам следственного отдела управления ФСБ России по Крыму, который в 2022 году возбудил дело о попытке теракта[13] в Мелитополе против украинца Ярослава Жука. Жук также сообщал о пытках: по словам украинца, его около недели держали в неизвестном подвале с мешком на голове, избивали, пытали током и жгли газовой горелкой ступни. В июне 2024 года Южный окружной

> военный суд приговорил Жука к 14 годам лишения свободы.

Следователи ФСБ допрашивали «девятку» не однажды: 6 октября 2022 года в Симферополе, а потом еще несколько раз с января по октябрь 2023 года в Москве, где херсонцев поместили в подчиненный спецслужбе СИЗО-2 «Лефортово». Они не отказывались от своих первых признательных показаний и молчали о пытках вплоть до начала судебного процесса и появления в деле адвокатов. И сами подсудимые, и их защитники объясняли это просто — страхом за себя и своих близких.

«Нас отправили в логово службы, которая два месяца держала нас в подвале, — объяснял судье Сергей Офицеров. — И если вы думаете, что в тот момент я почувствовал себя в безопасности и мне захотелось поговорить со следователем — нет!».

Константин Резник (слева) и Олег Богданов (справа). Иллюстрация: Danny Berkovskii / Медиазона

«Изоляция в месте, отвечающем мерам безопасности». Свидетель из ФСБ в суде

Давая показания в суде, все обвиняемые называли одни и те же позывные российских силовиков, которые издевались над ними в подвале на Лютеранской: главным был «Хмурый», ему

подчинялись «Штиль», «Батя», «Грек», «Якут», «Кощей», «Буря», «Музыкант», «Дон», «Лис» и другие. Адвокаты «херсонской девятки» требовали возбудить уголовное дело о превышении «неустановленными сотрудниками ФСБ» должностных полномочий с применением пыток, повлекшем смерть человека[14], однако Следственный комитет раз за разом отвечал отказом.

Последнее отказное постановление было вынесено еще в марте 2025 года, но суд уведомил об этом защиту только 15 января 2026-го, за две недели до приговора херсонцам.

В поступившем в суд ответе СК писал, что «в рамках проверки» были опрошены 11 сотрудников ФСБ, служивших под руководством старшего оперуполномоченного по особо важным делам департамента контрразведывательных операций 1-й службы ФСБ Иванова А.А. Вот их имена: Бушуев С.А., Габедаури Г.А., Грамашов Д.С., Купецков А.В., Куцый О.В., Митрофанов К.Ю., Романец И.А., Плугин А.Б., Уланов А.Н., Холоденко Н.А. и Чумакин А.Е.

В том же документе СК подтвердил, что фигурантов дела «херсонской девятки» действительно задержали еще в июле-августе, а не в октябре 2022 года.

«В период июля-августа 2022 года под его (Иванова А.А.) руководством сотрудниками ФСБ России произведено задержание данных граждан на территории Херсона, после чего организовано их содержание в изоляции в месте, отвечающем мерам безопасности», — говорилось в ответе.

И Иванов А.А., и 11 его коллег заверили следователей, что «в период содержания в изоляции физическое и психологическое насилие к указанным лицам не применялось». Ни одного из потерпевших СК не опросил. Защита херсонцев предложила истребовать материалы проверки, но судья Кривцов отказал в этом.

«Отрадно признать, что в отношении некоторых граждан Российской Федерации принцип презумпции невиновности и относимости доказательств в пользу потенциальных подозреваемых действует в полной мере», — язвительно прокомментировала это решение одна из адвокатов.

В августе 2024 года в суде по видеоконференцсвязи выступил засекреченный свидетель под псевдонимом «Иванов». Подсудимые по голосу узнали в нем «Хмурого» — по их словам, этот человек руководил избиениями в Херсоне и лично участвовал в пытках, а потом встречал обвиняемых в Симферополе и в московском СИЗО «Лефортово», куда их привезли в октябре 2022 года. Некоторые фигуранты дела говорили, что настоящая фамилия «Хмурого» Силин; «Медиазоне» не удалось проверить это предположение.

«Иванов» рассказал, что «в рамках закона о ФСБ» руководил задержанием девяти херсонцев летом 2022 года. Он подчеркнул, что «действовал в условиях "специальной военной операции"» — так он ответил на вопрос защиты о том, какой именно российский закон разрешает ФСБ проводить оперативно-розыскные мероприятия на территории

Украины и задерживать граждан другого государства, не предъявляя им обвинений и не допуская к ним адвокатов.

— Имелись ли разрешительные документы от руководства Украины на проведение ОРМ? — спросила «Иванова» одна из защитниц.

— Как вы себе это представляете? — усмехнулся оперативник, а позже добавил, что «с Украиной сейчас отношения не очень хорошие».

На вопрос, как и когда подсудимых доставили в Симферополь, «Иванов» не ответил: сказал, что не присутствовал при этой поездке.

— Почему их затем вывезли в Москву?

— Потому что заниматься расследованием в условиях «СВО» небезопасно. Следственные органы на тот момент не имели права выезжать за территорию своего гарнизона. Это вопрос безопасности личного состава, — объяснил свидетель.

Подвал бывшего управления Нацполиции в Херсоне, где пытали похищенных, «Иванов» назвал «местом, исключающем доступ посторонних лиц», но не стал уточнять его адрес.

Подделку протоколов, дат задержания и вообще любую фальсификацию доказательств в деле секретный свидетель последовательно отрицал — как и пытки.

— Нет. Конечно нет, — ответил «Иванов» на вопрос, участвовал ли он сам или его подчиненные в избиениях. В этот момент из «аквариума» для подсудимых раздались аплодисменты и смех.

В ростовском СИЗО-1, куда «херсонскую девятку» этапировали с началом судебного процесса в декабре 2023 года, насилие продолжилось: на утренних проверках украинцев там заставляли сгибаться в низком поклоне и петь гимн России, били палками по спине, а за жалобы адвокатам угрожали «трахать ПР[15] сзади».

Впервые подсудимые заявили об издевательствах на заседании Южного окружного военного суда 30 января 2025 года. 15 мая Юрия Каева доставили в зал суда со следами крови на лице, его адвокат обратила на это внимание судьи. Тогда Каев рассказал, что конвой заставил всех подсудимых подниматься по лестнице «гуськом»[16] — он споткнулся и разбил себе лицо.

11 адвокатов подписали ходатайство с просьбой обеспечить безопасность своих подзащитных, суд передал их заявление о «систематическом насилии» в прокуратуру и СК.

Кто есть кто в деле «херсонской девятки» и что их связывает

Сергей Ковальский. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Ковальский

Летом 2022 года капитан Сергей Ковальский должен был взорвать сразу двух чиновников оккупационной администрации Херсонской области — Виталия Булюка и Кирилла Стремоусова, утверждает следствие. В случае с Булюком «взрыва не произошло по технической причине», а убить Стремоусова «не представилось возможным по не зависящим от участников обстоятельствам в связи с обнаружением и изъятием средств и орудий совершения преступления 4 и 5 августа 2022 года».

При этом фактически задержали Ковальского еще 3 августа, а потом два месяца пытали в подвале бывшего здания Нацполиции на Лютеранской. В суде украинец рассказывал, что силовики первым делом забрали у него телефон, но называть пароль он сперва отказывался.

«Пароль я сказал после пыток: сначала током, потом меня топили, я терял сознание...» — говорил он.

Несколько недель военного держали в одиночке. Другие херсонцы позже рассказывали, что его пытали больше других похищенных.

«Когда они[17] его привезли к нам домой забрать еще один телефон, я смотрю — а они с него наручники сняли, на руках порезы, — вспоминает гражданская жена Ковальского Александра. — Они мне говорят: не плачь, что ты плачешь, мы его скоро вернем, нам его

надо просто допросить. Ну и все. Никто его, конечно, не вернул».

На момент похищения в августе 2022 года Сергей Ковальский был действующим военнослужащим ВСУ. Он участвовал в АТО, получил три контузии, повредил позвоночник и с 2016 года числился в запасе. Весной 2022 года мужчину снова мобилизовали.

Рисунок Сергея Ковальского

«Разбили его бригаду, которая была на левом берегу [Днепра], остался приказ остаться на правом берегу, — рассказывает Александра. — Он мне говорил: "Бери детей, выезжай". Я отвечала, что мы либо вместе выезжаем, либо я остаюсь здесь. И мы были вместе до последнего».

В самом начале судебного процесса в Ростове Сергей Ковальский попросил признать его военнопленным, но судья Кирилл Кривцов ответил, что российским УПК такой статус не предусмотрен.

На одном из первых заседаний, еще до допроса подсудимых, Кривцов неожиданно начал задавать Ковальскому вопросы о переписках в его телефоне. Согласно обвинению, украинский военный общался

в мессенджере *Threema* с пользователем *Hallo-*
. Следствие считает, что это был руководитель «террористического сообщества» Самир Шукюров.

Отвечая на вопросы судьи, Ковальский тогда признал, что летом 2022 года по приказу армейского командования «оказывал сопротивление войскам противника» и действительно переписывался с сотрудником СБУ под псевдонимом *Hallo*, но был ли это Шукюров, он не знает.

Ковальский уточнил, что не воспринимал *Hallo* как «руководителя»: сотрудники СБУ не могут отдавать приказы военным, но «обязаны оказывать содействие Минобороны Украины» в условиях военного положения и делиться разведданными — поэтому они и поддерживали связь.

«Мне поступил приказ оставаться в Херсоне и работать в глубоком тылу», — говорил Ковальский судье. По словам военного, его задачей было следить за движением российской техники, которая заходила в город по Антоновскому мосту, и вести «оперативное наблюдение» за сотрудником ВГА Виталием Булюком.

«Булюк имел связь с офицерским составом вооруженных сил Российской Федерации, поэтому его перемещения и представляли интерес для Минобороны Украины», — объяснял Ковальский, подчеркивая, что приказа о покушении он не получал.

В мае 2022 года, рассказал Ковальский судье, он узнал от командования о заминированной «Шевроле Лачетти», которая предназначалась для подрыва

российской военной техники, а в начале июля получил приказ припарковать эту машину на улице Перекопской в Херсоне.

Позже — когда в процесс вошел новый защитник по соглашению-Ковальский отказался от всего сказанного в тот день, настаивая, что «не считал это дачей показаний», а судья Кривцов нарушил регламент судебного заседания, начав задавать вопросы до того, как подсудимого допросили представители сторон.

О каких переписках судья Кривцов спрашивал Ковальского

Судя по исследованным в суде материалам, в деле есть переписки Сергея Ковальского и Hallo с середины июля по 4 августа 2022 года. При этом одну часть этих переписок следствие приводит в виде таблиц с текстом сообщений, а другую — как набор скриншотов, на которых не указаны даты. Собеседники обсуждают тайник с «расходниками» и «бутылочки», которые нужно «заложить где-то». В другой раз Hallo спрашивает про «остров» и уточняет, что ему «нужны будут глаза». Ковальский отвечает: «У меня есть на острове глаза теоретически. Я не поеду. Татуировки проверяют». В переписке обсуждаются люди, которые заходят в здание «казначейства», «коптер» и его «прошивка», марка и номера машины «Стрема»[18] и ресторан, в котором того заметили накануне.

Сам Ковальский, отвечая на вопросы судьи Кривцова, подчеркнул, что переписывался с allo только «до часов 10-11 утра» 3 августа, когда его

задержали. По его словам, после этого телефон забрали, и дальше переписку от его имени могли вести только российские силовики.
Защита настаивает, что подделана вся представленная в деле переписка украинского военного, включая датировку сообщений, фото и видео.

У Ковальского нашли военную форму, а позже — спрятанное оружие: два автомата Калашникова, патроны и магазины к ним, несколько ручных гранат. По версии следствия, «орудия и средства совершения преступления» ему передал еще один участник «террористического сообщества» по фамилии Шадевский, который избежал задержания. Ковальский в суде настаивал, что оружие, которое изъяли силовики — табельное: его собственное и еще двоих украинских военных.

После похищения сотрудники ФСБ привезли Сергея в дом, где живет мать его гражданской жены, а оттуда — в их общую квартиру. Там Ковальский попросил Александру отдать ему свой телефон.

«Он снял футболку — а туловище все синее, — вспоминает девушка. — Он успел сказать мне слово "ток", и я все поняла».

Мужа привозили домой еще несколько раз, потом оперативники стали навещать ее саму, рассказывает Александру.

«Под предлогом то ноутбук отдать, то документы какие-то привозили, — говорит она. — Они ко мне приезжали раза два-три в неделю, задавали вопросы

по другим людям, думали, что я знаю, где кого искать, рассказывали мне, какой ужасный у меня муж. Давали мне номера телефонов и говорили, чтобы я вышла на связь с этими людьми. Постоянно говорили, если я помогу им кого-то найти, то они вернут мне Сергея. Но, естественно, я понимала, что они врут. Говорила: да я позвоню, а потом объясняла им, что не смогла дозвониться — связи нет, или не отвечают. Вообще я даже не звонила».

По словам Александры, за девять месяцев оккупации Херсона она научилась безошибочно распознавать на улице российских силовиков в штатском.

«Здоровые, накачанные — все носили оружие в сумках через плечо или под футболками, это было заметно, — говорит украинка. — А, и еще они все в кепках. И всегда минимум двое, трое, по одному не ходят. С московским говором».

При обыске у них с Сергеем забрали синюю «Хонду Сивик» — однажды Александра увидела ее возле здания бывшего управления Нацполиции, когда гуляла в соседнем парке с детьми.

«И я смотрю — о, наша машина. Так я поняла, что ребят держат внизу в этом здании», — вспоминает она.

После разрушения плотины Каховской ГЭС в июне 2023 года Александра и две ее дочери, пережив наводнение, уехали из Украины — вот уже больше двух лет они в статусе беженцев живут в Швейцарии.

«Спасает только одно — то, что дети в безопасности, а не под завалами», — говорит Александра и добавляет, что после похищения гражданского мужа страдает бессонницей и «нервными состояниями», но работает с психологом.

Два года, пока шел суд, Сергей Ковальский, когда удавалось, через адвоката передавал ей свои стихи и рисунки.

«Для того, чтобы из военнопленного превратиться в международного террориста, понадобились всего две вещи: чистый лист бумаги и дуло у виска», — резюмировал херсонец в последнем слове.

Сергей Офицеров. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Офицеров

Как и Ковальского, товароведа Сергея Офицерова похитили 3 августа 2022 года — схватили дома у его отца.

«В этот день ко мне в квартиру ворвались три человека в гражданском и без балаклав. Один — с пистолетом, двое других — без оружия, — рассказывал Геннадий Офицеров "Медийной инициативе за права человека". — Сразу подбежали к сыну, положили его на стол и заставили разблокировать собственный телефон. Потом надели на него оковы и повели вниз к черно-белому "Рено". На таких любили

кататься по оккупированному городу фээсбэшники. Я увидел эту машину позже, бросился к ней — но бесполезно, она не остановилась. Под домом также стояла машина, откуда русские вели наблюдение, и бус с вооруженными военными РФ».

По словам Офицерова-старшего, обыск у него дома силовики не проводили, но позже приехали на квартиру к сыну и изъяли всю компьютерную технику.

У Сергея Офицерова российский паспорт. Он родился в Херсоне, но вырос и 15 лет прожил на Камчатке, куда когда-то уехали работать его родители. В 2008 году Сергей оформил украинский ВНЖ, а в феврале-марте 2022-го должен был получить гражданство — не успел из-за вторжения.

В интервью изданию «Факты» Геннадий Офицеров не исключал, что сын действительно помогал украинским военным.

«Музыку[25] слушал, в сетях перешел только на украинский. Патриот Украины, но с российским паспортом», — говорил он.

Из всей «девятки» Сергей был знаком только с Ковальским — они родственники. Офицеров не отрицает, что в начале войны они вместе следили за передвижениями россиян. По его словам, летом 2022 года оккупанты ездили по захваченному городу на машинах без опознавательных знаков и выглядели как «какая-то банда».

«У них на машинах были имперские, советские, российские флаги, — говорил Офицеров в суде. — Ковальский оставался в автомобиле в начале [улицы] Перекопской, а я уходил на километр, наверное, в сторону Антоновского моста. Поддерживали связь по телефону. Была еще фиксация возле Белого дома[26] — какие машины там есть».

По словам Офицерова, после похищения он как минимум шесть дней без сна, воды и пищи провисел на решетке в подвале бывшего управления Нацполиции на Лютеранской. Перед этим ему на допросе сломали ребра.

«На мой вопрос, что им надо рассказать, я получал новый разряд током», — вспоминал он.

В какой-то момент у пленника появились слуховые галлюцинации. Признательные показания Офицеров согласился подписать только после того, как российские силовики пригрозили изнасиловать его дубинкой.

Константин Резник. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Резник и Кабаков

«Мне был присвоен псевдоним "Коуч". Сначала куратором был некто "Маркус" — я только в телефонном режиме [с ним] общался. Потом куратором был "Щебень". Вот так, в принципе.

Они давали задания», — немного заикаясь, говорит осунувшийся мужчина в светлой рубашке на видео, опубликованном 21 августа 2022 года в пророссийском телеграм-канале «Новости Херсонщины».

В тот же день отрывок этой записи показали в репортаже программы «Вести недели» на телеканале «Россия-1» — в нем говорилось о задержанных в Херсоне «диверсантах».

Мужчина на видео — это 61-летний Константин Резник. Его похитили 21 июля 2022 года, ровно за месяц до публикации репортажа.

Однако по документам Резник и еще один фигурантом дела «херсонской девятки» Сергей Кабаков «были установлены» только 2 августа, когда, как утверждает следствие, шли закладывать взрывчатку в гидроцикл коллаборациониста Ковалева.

В этот день оперуполномоченный ФСБ майор Вадим Муравьев составил «протокол обследования помещений, сооружений и участков местности» и указал в нем, что в 8:20 на острове Карантинный силовики заметили Кабакова. В сумке у него обнаружили детонатор, бутылку из-под «Агуши» с торчащим наружу желтым проводом и «пластичным взрывчатым веществом серого цвета» внутри. Если верить протоколу, после этого Кабаков «пояснил», что находится на острове «по заданию СБУ для закладки обнаруженного СВУ с целью осуществления взрыва, направленного против интересов Российской Федерации, жертвой которой должны были стать присутствующие на причале

сотрудники военно-гражданской администрации Херсонской области и мирные граждане Украины и России». Следствие уверяет, что тогда же Кабаков рассказал о Резнике, «который находится недалеко от этого места» на Карантинном острове, и описал его приметы.

В 8:45 Резника независимо от майора Муравьева «обнаружил» другой оперативник ФСБ — Денис Борисов, который тоже составил протокол.

«За время наблюдения указанный мужчина никаких действий не производил, смотрел по сторонам», — писал Борисов. Несмотря на это, через 10 минут оперативник почему-то приступил к осмотру вещей Резника: в карманах лежали пульт управления и телефон *Redmi 4A*. Позже этот телефон станет поводом для бесконечной путаницы: в некоторых томах дела следствие называет хозяином устройства Резника, а в других — Кабакова.

«Резник пояснил, что данный пульт предназначен для подрыва СВУ, которое должен установить Кабаков», — говорится в протоколе. К делу также приложены два «добровольных согласия» на проведение осмотра жилищ, написанные Резником и Кабаковым от руки.

В суде они расскажут, что написать эти «согласия» их угрозами заставили 5 октября — накануне перевода в Симферополь.

Сергей Кабаков. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Несмотря на то, что Резник и Кабаков жили со своими семьями в разных местах, после задержания оперативники повезли обоих по адресу улица Строителей, дом 3, квартира 17. Там, согласно протоколу осмотра жилища, были спрятаны компоненты СВУ, микросхемы и коробка с электродетонаторами. В телефоне *Redmi 4A* силовики обнаружили переписку в пользователем «Сергей Щебень Авто» — Кабаков и Резник сообщили, что это сотрудник СБУ, который давал им указания. На прилагавшемся к протоколу фото оба мужчины с растерянным видом стоят на ковре посреди скудно обставленной комнаты.

Когда 21 июля силовики наконец привезли Константина Резника в квартиру, где он действительно жил до похищения, дома была его жена Татьяна.

«Его привезли домой на черном бусике "Хендай", — вспоминает она. — Зашли двое, попросили телефоны».

При обыске дома Константину стало плохо — он спросил у сопровождавших его людей, можно ли присесть на стул, жена принесла ему воды.

«Как мы уже потом поняли, они его избили до этого», — говорит Татьяна.

По ее словам, в квартире в тот день провели только «мелкий обыск»: силовиков интересовали телефоны, детский ноутбук, содержимое гаража. Изъяв технику, они уехали.

«Забрали Костю — и больше мы его не видели», — Татьяна вспоминает, что с того дня начала самостоятельные поиски мужа и каждый день обходила учреждения, занятые российскими военными и силовиками.

«Я ходила по всему городу, по всем подвалам Херсона — где у нас находилась полиция, СБУ... Ну, по всем этим зданиям. Писали заявления в полицию, в администрацию военную. Также ходила-спрашивала по всем зданиям, где держали наших херсонских людей — люди же выходят, и потихоньку информация распространяется. Подходишь: "Извините, я ищу мужа, а можно узнать, есть такой?" — "Тут никого нет, тут людей не держат", ну и все».

Спустя месяц Татьяна увидела тот самый репортаж «Вестей недели». Константин сильно похудел, у него не хватало нескольких передних зубов.

«Ходили недалеко там в парки, напротив администрации, в кафешки — и смотрели, во сколько подъезжают автомобили, во сколько отъезжают, — рассказывает в том же сюжете Сергей Кабаков. — И второе — мы получали путем закладок, передач в тайниках взрывчатые вещества».

Следствие утверждает, что абонент «Сергей Щебень Авто», с которым общались Резник и Кабаков — это «организатор террористического сообщества» Самир Шукюров. Резник настаивает, что не знал Шукюрова и никогда ему не звонил, а Сергей — просто знакомый, у которого он покупал щебенку.

При этом херсонец не отрицает, что контакт настоящего сотрудника СБУ в его телефоне все-таки был. Резник общался с контрразведчиком по фамилии Демьянов, более того, это был не единственный украинский силовик, которого он знал.

«На реке[27] 50 тысяч дач, — говорил Резник в суде. — Мы обслуживаем 35 тысяч дач. Сотрудник СБУ или милиционер — я знаю очень многих, у меня есть ключи от некоторых дач. Но это же не значит, что я террорист!».

26 февраля 2022 года Резник звонил Демьянову. «Но это было связано с тем, что на реке началось мародерство!» — объяснял он.

Всю переписку с «Щебнем» подделали сотрудники ФСБ, которые изъяли их телефоны при задержании, утверждают Резник и Кабаков.

В деле также описан телефонный звонок «Щебню» в рамках «оперативного эксперимента» 2 августа 2022 года. Резник и Кабаков по громкой связи признаются своему собеседнику, что от постоянного страха и усталости у них «ноги ватные» и они уже «на старушек оглядываются».

«И вот это... У нас сейчас чепуха лежит, от нее надо избавляться, потому что мы реально боимся», — говорит «Щебню» Кабаков.

В суде Резник и Кабаков рассказали, как проходил «оперативный эксперимент»: сотрудники ФСБ вывели их из подвала во двор здания Нацполиции, натянули им на лица шапки, позвонили кому-то и под дулом пистолета заставили произносить заранее заученные и отрепетированные фразы. По словам обоих херсонцев, голос «Щебня» они тогда слышали впервые.

«Все было срежиссировано, а мы были как актеры», — настаивал Резник.

Олег Богданов. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Богданов

Кроме Резника и Кабакова в «Вестях недели» показали задержание Олега Богданова — бывшего капитана дальнего плавания, который на момент российского вторжения возглавлял управление транспортной и дорожной инфраструктуры и связи в администрации Херсона. Его похитили 29 июля 2022 года.

Согласно обвинению, 1 июля Богданов купил в Одессе автомобиль «Инфинити», потом поехал в Николаев, там получил от сотрудников СБУ Хомяка и Сидея компоненты для самодельных бомб, привез их в

Херсон и спрятал по адресу улица Декабристов, 38 — то есть во дворе своего дома. В тот же день «неустановленный участник террористического сообщества» перенес груз в другой тайник на улице Колодезной, 96.

«Уголовное дело вообще не содержит доказательств, что взрывчатое вещество, хранящееся по адресу Колодезная, 96, до этого момента находилось у моего подзащитного, перевозилось им или имело к нему какое-то отношение: ни фото, ни переписок, ни видеозаписей, ни свидетельских показаний!» — возмущался в суде адвокат Богданова.

1 июля Херсон и Николаев разделяла линия фронта. Под обстрелами миновать блокпосты со взрывчаткой в машине — защитник назвал такую поездку «фантазией следователя».

Родные Богданова долгое время не знали о его задержании, потому что «Олег просто пропал», а родители у него «старенькие», рассказал «Медиазоне» двоюродный брат херсонца Роман. По его словам, после начала войны Богданов вывозил беженцев из Херсонской области.

«Мы виделись только на праздники, я общался с родными отца из вежливости, — продолжает Роман. — Чем занимался Олег в последнее время — честно, не знаю. Знаю, что раньше ходил в рейсы как моряк, но это было сто лет назад».

Богданов был дважды женат, у него трое детей.

«Олег постоянно был... Как бы так сказать, чтобы это обидно не звучало... Мягкотелый, очень добрый по своей натуре — то этих жен терпел, то еще что-то. Постоянно в расстроенных чувствах был, в депрессии. И я, когда узнал о его задержании, был в шоке», — говорит кузен.

Еще в начале судебного процесса Богданов жаловался на плохое самочувствие: у него болели спина и почки. За два года в СИЗО он так и не дождался медицинской помощи, ему даже запретили передавать таблетки, рассказал он в прениях. «Каждый день мы подвергаемся смертельной опасности, до сих пор», — говорил Богданов в суде.

Денис Лялька. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Лялька

«24 февраля 2022 года у Дениса закончился контракт и он вернулся со службы домой, в Тягинку в Херсонской области, — рассказывала изданию "Точка сходу" сестра Ляльки Юлия. — Он должен был встать на воинский учет, поэтому поехал в Херсон, чтобы это сделать. Вокруг уже все горело от российских бомбардировок, но до города он как-то таки добрался. А вот вернуться домой уже не смог — остался под оккупацией до августа 2022-го. Его искали в Тягинке, потому что все знали, что брат был военным. Его точно кто-то сдал — по деревне ездили военные РФ,

а в машине сидел кто-то из местных и показывал, где живут украинские военные».

По словам Юлии, брат откладывал деньги, чтобы, уволившись из ВСУ, заняться сельским хозяйством, но российские силовики «изъяли» все его сбережения.

Точную дату похищения сам Лялька не помнит — говорит, что после пыток его стала подводить память.

«С 3 по 5 августа [2022 года] с семи до восьми вечера ворвались в квартиру вооруженные люди, — рассказывал он в суде. — Они были в военной форме, сотрудники спецназа, и двое в гражданском. Начали кричать: "Где взрывчатка? Где оружие?". Начали избивать, забирать телефоны, деньги. Просто сгребли вещи с полки, забрали все деньги, ноутбук, телефоны, военную форму с документами».

По словам Ляльки, когда один из российских силовиков увидел среди его вещей упаковку зимних носков с эмблемой ВСУ, он усмехнулся и забрал их себе.

В тот вечер несколько человек остались дежурить в квартире Ляльки, а его самого повезли в пыточную в подвале бывшего управления Нацполиции на Лютеранской, где продолжили избивать, задавая «все те же вопросы».

После недели пыток Ляльку снова привезли домой — за это время из его квартиры вынесли всю бытовую технику, кроме холодильника и стиральной машины, рассказывал он.

Из всех задержанных фигурантов дела «херсонской девятки» Денис Лялька знал только Юрия Каева — волонтера «Красного Креста» и предпринимателя, который поставлял продукты в кафе и рестораны Херсона. Незадолго до российского вторжения их познакомил общий приятель — отставной военный, функционер ветеранского движения и хозяин собственной пиццерии Сергей Зелинский.

Кто такой Сергей Зелинский и почему ФСБ интересовалась его знакомыми

Предприниматель Сергей Зелинский возглавлял организацию участников АТО Белозерского района Херсонской области.

В 2018 году он вместе с другими ветеранами основал в Херсоне пиццерию Sale e Pepe («Соль и перец»), коллектив которой на 80% состоял из бывших военных.

Его друг и напарник по бизнесу Виталий Лелюк рассказывал «Суспильне», что после вторжения российских войск Зелинский остался в Херсоне и «был в подполье», сотрудничая с СБУ.

«Я к сожалению не знаю всей информации, но с его участием подрывались наши коллаборационисты, — говорил Лелюк. — Сергей изготавливал взрывчатку, принимал активное участие, за ним следили в Херсоне».

Летом 2022 года Зелинский успел выехать из Херсона по поддельным документам, а перед

> этим попросил своего знакомого Юрия Каева припрятать в городе четыре пистолета. Зелинский пошел воевать и в июне 2023 года погиб под Бахмутом.

Следствие утверждает, что Зелинский «обсуждал» с Лялькой покушение на двух коллаборационистов — заместителя главы ВГА Херсонской области по вопросам ТЭК, промышленности и торговли Игоря Семенчева и генерала милиции в отставке Валерия Литвина.

«По замыслу Зелинского, этих лиц надо было застрелить или взорвать их машины на маршруте передвижения», — говорил в суде прокурор.

Кроме того, Лялька и Каев должны были изготовить и хранить СВУ для подрыва машины Кирилла Стремоусова, считает обвинение. Из доказательств у следствия — телефонные соединения Ляльки с Каевым и Зелинским (но о чем они говорили, установлено не было) и признательные показания, от которых Лялька позже отказался.

Заинтересовал ФСБ и другой контакт Ляльки: по данным следствия, еще в марте 2022 года он через своего знакомого по имени Роман познакомился «с представителем спецслужб Украины» Артемом Цветковым, который «предложил ему осуществлять подрывные мероприятия на территории Херсонской области» в обмен на справку о том, что Лялька «не скрывался от военной службы, а оказывал содействие спецслужбам Украины».

В апреле 2022 года Лялька выслал Цветкову фотографию российского блокпоста на улице Нефтяников, а в июле по его просьбе забрал посылку, спрятанную в памперсах, и получил за это 12 тысяч гривен[28], говорится в обвинении.

«Примерно в конце июля 2022 года Цветков отправил ему номер телефона некой Ольги, у которой попросил забрать пакет с устройством для дистанционного подрыва в виде брелока и двух аккумуляторных батарей, перемотанных липкой лентой белого цвета, а также двумя телефонами, назвав условный пароль: "Хочу купить капусты 1-2, либо 3 кг". Забрав указанные предметы, находившиеся в двух упаковках памперсов, он сфотографировал их и отправил Цветкову», — утверждает следствие.

В суде Лялька говорил, что памперсы предназначались для пожилых и маломобильных людей — после оккупации Херсона он в качестве волонтера развозил им продукты и предметы гигиены. Все обвинения бывший военный отрицал.

Юрий Каев. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Каев

Обсуждая будущие покушения на коллаборационистов с Юрием Каевым, Сергей Зелинский называл взрывное устройство «пирогом»,

а его компоненты «пробниками», утверждает следствие.

Защита возражает: в их переписке действительно упоминались «пробники», но речь шла об образцах продуктов — например, колбасы — которые пиццерия Зелинского регулярно закупала у Каева.

Так или иначе, вечером 5 августа 2022 года предпринимателя задержали в селе Скельки Запорожской области, где он и другие волонтеры «Красного Креста» остановились на ночлег. В первый год войны Каев возил на оккупированные территории гуманитарную помощь и забирал оттуда беженцев.

Его жена Ольга рассказывала проекту «Новости Приазовья», что в июне Юрий отправил ее с двумя детьми в Запорожье, а сам остался в Херсоне. О том, что мужа задержали, она узнала от другого волонтера.

«Руководителя ["Красного Креста"] впоследствии отпустили, а Юру сейчас обвиняют в "подготовке международного терроризма" и покушении на Стремоусова», — недоумевала женщина в интервью.

В Скельках российские силовики отобрали телефоны и личные вещи людей, которых Каев помогал вывозить из Херсона.

«Также в машине было медицинское оборудование: как мне известно, для проведения операции путем эндоскопии. В кошельке у меня было 11 тысяч гривен, 200 долларов, три тысячи евро и банковские карты. В красном тканевом рюкзаке за сиденьем было 70

тысяч гривен. Все это они изъяли», — говорилось в показаниях Каева.

Как и других фигурантов дела, его бросили в подвал бывшего управления Нацполиции на Лютеранской. После пыток он показал силовикам схрон в поселке Геологов, где спрятал четыре пистолета и магазин — как объяснял сам Каев, по просьбе Зелинского, который оставил ему оружие, уезжая из оккупированного города.

В камере подвала Каев встретил своего сотрудника Александра Крайника. Тот лежал в углу и не реагировал на появление начальника.

«Он был сильно избит, сломаны несколько ребер, большая гематома на всю грудь и живот, — вспоминал Каев. — Он рассказал, что находится тут уже несколько дней».

Позже Крайник станет свидетелем обвинения — в начале октября 2022 года его отвезут в Симферополь на дачу показаний, а потом отпустят. Крайник подтвердит, что в августе по просьбе Каева забрал из тайника на складе и передал Ковальскому сверток с СВУ, не зная о его содержимом.

При этом по словам самого Каева, «тайник» на его складе сотрудники ФСБ оборудовали, когда он уже месяц как сидел в подвале на Лютеранской.

«Положили туда взрывчатку, а Крайник показал, где этот тайник располагался», — объяснял Каев.

В суде Александр Крайник не выступал. Защита требовала провести между ним и Каевым очную ставку, но суд отказал в этом.

Сергей Гейдт (справа). Фото: Александра Астахова / Медиазона

Гейдт

Директора рыболовецкого предприятия Сергея Гейдта задержали первым из всей «херсонской девятки». До этого он был знаком только с убитым в подвале Василием Стеценко, и шапочно — с Резником и Кабаковым, которые тоже работали «на реке».

В протоколе одного из первых допросов Гейдта сказано, что 7 июля 2022 года он сам пришел к российским силовикам, чтобы предупредить о готовящемся теракте против Алексея Ковалева. Позже Гейдт не раз отрицал это, а в суде отказался от всех ранее данных показаний.

«Я был задержан 19 июля 2022 года в гаражном кооперативе "Корабел-4", когда производились обыски всех кооперативов, — рассказал он.
— Мне позвонил сотрудник военно-гражданской администрации — так он представился — и сказал, что ему нужно задать мне пару вопросов. Когда я подошел, мне сказали: "Надо проехать в военно-гражданскую администрацию". Сказали, что для моей же безопасности мне нужно надеть пакет

на голову. Надели пакет на голову — и привезли в подвал».

Там Гейдта били и пытали током, а потом повезли на работу — силовики искали в рыбхозе оружие, но ничего не нашли. Вернувшись на Лютеранскую, они снова избили херсонца и заперли его на ночь. Утром Гейдта отвезли к нему на дачу, потом в квартиру, где живут его дочка и теща, после — обыскали несколько его гаражей.

«Снова пытали, — вспоминал Гейдт. — "Ты нам все расскажешь". Я говорю, мне рассказывать нечего».

В подвальной камере, куда его бросили после пыток, Гейдт и увидел умирающего Стеценко.

«Там находился охранник мой, Гвоздев Влад, который с причала. Также там находился второй, он компьютер обслуживал. И находился Кабаков. И Стеценко — он был в непонятном состоянии уже», — рассказывал Гейдт.

По его словам, после смерти Стеценко узники подвала уже не рассчитывали выйти оттуда живыми. На пустой пачке из-под сигарет они переписали имена и фамилии тех, кого держали в то время на Лютеранской — 24 человека. Осенью 2022 года, когда россияне ушли из Херсона, эту пачку нашли за притолокой украинские следователи.

В московский СИЗО «Лефортово» Гейдт прибыл «с переломанной ногой» и сильным отитом, рассказывал он в суде. Его адвокаты запрашивали

у следственного изолятора данные из медицинской карты, но получили отказ.

Юрий Тавожнянский. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Тавожнянский

Юрия Тавожнянского российские силовики похитили 28 июля 2022 года, рассказывала проекту *Activatica* его жена Ольга.

«Он говорит: "Оль, я на десять минут". Вышел в футболке, в шортах, ключи, телефон с ним был. Я буквально через 40 минут начинаю его набирать — уже телефон его не отвечал», — вспоминает женщина.

Тавожнянского схватили, когда он подошел к автобусной остановке возле дома. Там его ждал Константин Резник. Они не были знакомы. Передать Резнику конверт с пятью тысячами гривен Тавожнянского попросил его знакомый Самир Шукюров — тот самый, которого следствие считает «организатором террористического сообщества» в оккупированном Херсоне.

Обвинение утверждает, что в общей сложности Тавожнянский передал Резнику и Кабакову 15 тысяч гривен — как и когда именно, в деле не уточняется — и, кроме того, по заданию Шукюрова следил за сотрудниками оккупационной администрации. По документам «противоправная

деятельность Тавожнянского была пресечена» 2 августа 2022 года — спустя пять дней после его похищения.

До 24 февраля 2022 года Тавожнянский был замначальника таможенного поста «Херсон-порт». Экс-чиновник не отрицал знакомства с Шукюровым — они иногда общались в мессенджерах и несколько раз созванивались, но это были «товарищеские разговоры ни о чем», говорил Тавожнянский.

Был Тавожнянский знаком и с первым замглавы областной ВГА Виктором Булюком, на которого, как считает следствие, «херсонская девятка» готовила покушение. Когда россияне захватили Херсон, Булюк предлагал работать на новую власть, но Тавожнянский отказался.

В суде таможенник объяснял, что с самого начала войны волонтерил — помогал пенсионерам и маломобильным жителям Херсона.

«Я был уверен, что, передавая деньги, я помогаю человеку с инвалидностью — купить лекарства, необходимые для его лечения», — говорил он.

Тавожнянский «никогда не держал в руках оружие, работал на госслужбе, воспитывал двоих детей, увлекался машинами, помогал соседям», рассказывал проект *Activatica*.

Ни одного из фигурантов дела до похищения он не знал, уверяет Тавожнянский. За два месяца плена силовики не провели с ним никаких следственных

действий, он ни разу не выходил из подвала на Лютеранской.

«Я как человек с 20-летним стажем государственной службы понимаю, в какие рамки и условия вы, уважаемый суд, поставлены, — обратился он к судье Кривцову на одном из заседаний. — И что именно на вас свалили всю ответственность по узакониванию всего беспредела, который творили сначала оперативные сотрудники ФСБ, потом группа следователей и так далее. Я понимаю, что для вас эти процессы уже — рутина. Но я прошу вас придерживаться российского законодательства, которое, на первый взгляд, довольно неплохое — если его соблюдать».

«Провал доказывания». То, что суд предпочел не заметить

Процесс по делу «херсонской девятки» в Ростове тянулся больше двух лет. Все это время сторона защиты напоминала, что показания, полученные под пытками, не имеют юридической силы.

«Вопрос пыток я не оставляю. Достаточно посмотреть на зубы моего подзащитного, на несросшиеся кости в руках. Все подсудимые демонстрировали в суде шрамы — там, тут... И показывали вам: ваша честь, смотрите, у меня до сих пор остались следы от наручников», — говорила в прениях адвокат Константина Резника.

Российский суд вообще не может рассматривать дело, все фигуранты которого (кроме Офицерова)

имеют украинское гражданство и были задержаны в Украине, настаивали защитники.

В ответ гособвинитель Сергей Айдинов пытался обосновывать «легитимность» ОРМ на территории Херсонской области летом 2022 года ссылками на указ Владимира Путина «О стратегии национальной безопасности», закон о ФСБ и 51-ю статью Устава ООН, в которой говорится о праве государств на самооборону.

«Скажите, пожалуйста, как же право государства на самооборону может устанавливать правила сбора доказательств и использование их в уголовном процессе? Я даже не говорю, о чьем праве на самооборону мы вообще должны здесь говорить», — удивлялась одна из адвокатов.

Защита единогласно утверждала, что все дело «херсонской девятки» построено на недоказанных предположениях следствия.

«Обвинение обязано дать суду точные ответы: когда, где, каким способом, какими действиями, какими средствами связи, какими сообщениями, с каким подтверждением... — перечислял один из защитников в прениях. — Но обвинение просто заменяет факты описанием "преступной" деятельности! Широкими мазками! Ссылками на оперативные материалы, которые невозможно проверить без допроса тех, кто присутствовал при их получении и фиксации».

Адвокаты не раз требовали вызвать для допроса оперативников ФСБ, работавших летом 2022 года в Херсоне, и понятых, чьи фамилии указаны

в протоколах — подсудимые рассказывали, что никаких понятых на ОРМ не было. Сторона защиты предлагала истребовать биллинги телефонов, записи с камер видеонаблюдения, исследовать метаданные фото из материалов дела — суд отказал во всех этих ходатайствах.

«У нас все события происходят на территории Херсонской области, и это вроде как нормально. Но когда надо вызывать свидетелей из Херсонской области — мы не можем, потому что она не контролируется Российской Федерацией», — удивлялась одна из адвокатов.

В документах дела множество неувязок и противоречий, указывала защита. Например, «деятельность Сергея Кабакова была пресечена» то 2, то 4, а то 5 августа 2022 года. Сотрудники ФСБ объясняли свое пребывание в Херсоне с февраля по октябрь 2022 года то «контрразведывательными», то «оперативно-розыскными мероприятиями». Следователи утверждают, что заговорщики переписывались в группе «Продукты» — но не приводят ни одного скриншота, где было бы видно название чата.

Никак не доказано, полагает защита, и само существование «террористического сообщества» — большинство обвиняемых не знали друг друга до задержания.

«Именно здесь начинается то, что в праве называется "провалом доказывания", — подчеркивала одна из адвокатов. — Обвинительное заключение по делу построено так, что сначала создается общий

идеологический фон, а затем в этот фон произвольно вклеиваются фамилии подсудимых».

«Все, что сказал гособвинитель, сводится к формуле "война все спишет", — вторил коллеге другой защитник. — Есть такая поговорка прекрасная: "Кому война, а кому мать родна". Вот мы теперь понимаем, кому она мать родна — сотрудникам ФСБ, которые могут творить все, что угодно, а потом война все спишет. Это неправильно, так не должно быть. Если мы уважаем хоть чуть-чуть то государство, гражданами которого мы являемся, мы должны не допускать таких вещей. Мы не можем допускать этот позорный беспредел. Это позорит мою страну, гражданином которой я являюсь».

Все дело — это «фантазии следователя», говорили сами херсонцы, выступая с последним словом.

«Преступное сообщество — это те, кто создали материалы этого уголовного дела. Это их должны судить, а не нас!» — почти кричал на прокурора Сергей Гейдт.

Юрий Тавожнянский, в начале процесса призывавший судью Кривцова «придерживаться законодательства», в прениях признался, что потерял надежду.

«Гаишник за пересечение двойной сплошной собирает гораздо больше доказательств вины, чем следствие, обвиняя меня в международном терроризме, — говорил он. — В РФ появился еще один принцип уголовного производства, он широко применяется. А звучит он так: "Осуждение

в оправдание". Суть его заключается в том, что вы оправдываете не нас, невиновных людей, а тех, кто сфабриковал это дело».

У обвинения нет «честных и допустимых доказательств», сказал в прениях Сергей Ковальский — и еще раз напомнил суду о пытках в подвале бывшего управления Нацполиции на Лютеранской.

Судья Кривцов выслушал все обращенные к нему речи подсудимых молча.

«Уважаемые, нам здесь сидеть. А вам и вашим детям здесь — жить. Спасибо», — сказал напоследок Константин Резник.

30 января 2026 года Южный окружной военный суд в Ростове-на-Дону приговорил фигурантов дела «херсонской девятки» к срокам от 14 до 20 лет строгого режима с отбыванием первых 5 лет в тюрьме.

Константин Резник и Сергей Кабаков проведут в заключении 20 лет, Олег Богданов и Юрий Тавожнянский — 18, Сергей Гейдт, Сергей Ковальский[29] и Сергей Офицеров — 17, Юрий Каев и Денис Лялька — 14.

Адреса для писем:

44064, Ростов-на-Дону, ул. Тоннельная, д. 4, С ИЗО-5 ГУФСИН по Ростовской области

Богданову Олегу Валерьевичу 1972 года рождения

Кабакову Сергею Владимировичу 1974 года рождения

Офицерову Сергею Геннадьевичу 1976 года рождения
Резнику Константину Викторовичу 1964 года рождения
44022, Ростов-на-Дону, ул. Максима Горького, д. 219, СИЗО-1 ГУФСИН по Ростовской области
Гейдту Сергею Анатольевичу 1981 года рождения
Ковальскому Сергею Александровичу 1990 года рождения
Ляльке Денису Николаевичу 1988 года рождения
Тавожнянскому Юрию Викторовичу 1980 года рождения
47910, Ростовская область, г. Таганрог, ул. Ленина, д. 175, СИЗО-2 ГУФСИН по Ростовской области
Каеву Юрию Юрьевичу 1983 года рождения
Работает сервис ZT

При участии Мики Голубовского, Елены Дымовой и Павла Васильева

Редактор: Дмитрий Ткачев

1. Часть 2 статьи 205.4 УК.
2. Часть 1 статьи 361 с применением части 3 статьи 30 УК.
3. Часть 1 статьи 361 с применением части 1 статьи 30 УК.
4. С конца 1930-х эта улица носила имя Кирова, в 2016 году ей вернули историческое название.
5. Это непонятная деталь. Возможно, банку из-под краски ставили рядом, чтобы прикованный к решетке пленник мог справить нужду. В тех показаниях Гейдта, с которыми удалось ознакомиться «Медиазоне», банка больше не упоминается.
6. Глава квартального комитета. В Украине так называются объединения соседей (по двору, микрорайону или улице), которые представляют

их интересы в органах местной власти и помогают решать бытовые проблемы.

7. Следствие называет его старшим оперуполномоченным отдела по борьбе с коррупцией и организованной преступностью управления СБУ в Херсонской области.

8. Военно-гражданская администрация.

9. В обвинении говорится именно о «детской смеси». При этом на фото вещдоков в материалах дела видно бутылку из-под ряженки той же марки.

10. Примерно 20-30 тысяч российских рублей по курсу лета 2022 года.

11. «Соль и перец» (ит.).

12. Часть 1 статьи 222.1, часть 1 статьи 223.1 УК.

13. Часть 1 статьи 361 УК.

14. Пункт «а» части 3, часть 4 статьи 286 УК.

15. Палка резиновая. ПР-73 — стандартная полицейская дубинка.

16. То есть глубоко присев.

17. Российские силовики.

18. Вероятно, речь идет о Кирилле Стремоусове.

19. Следственное управление главного управления Национальной полиции.

20. Оперативно-розыскной деятельности.

21. Скорее всего, Ковальский имеет в виду максиму Ex injuria jus non ori tur — «Из правонарушения не возникает право».

22. Подсудимого.

23. Об обращении с военнопленными.

24. Стихотворение Юрия Домбровского, которое Ковальский прочитал в прениях, было опубликовано в книге «Обезьяна приходит за своим черепом» из серии «Библиотека журнала "Знамя"» в 1991 году. «Медиазона» не нашла его более ранних публикаций.

25. Украинскую.

26. У здания Херсонской областной администрации, где расположилась оккупационная ВГА.

27. Днепре.

28. Около 22-24 тысяч российских рублей по среднему курсу за июль 2022 года.

29. Гособвинитель запрашивал ему 16 лет. Выступая в прениях, Ковальский предположил, что суд может «накинуть еще парочку» — он ошибся всего на один год.